
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ РОССИИ.

2022 – Год культурного наследия народов России

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

УДК 008.001

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-5-15>

Дмитрий Михайлович ВОЛОДИХИН,

доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой
культурного наследия МГИК, профессор исторического
факультета МГУ, e-mail: volodih@mail.ru

Аннотация: В статье обсуждаются качества гносеологической категории «культурное наследие» в рамках цивилизационного подхода к истории. Особое внимание уделено недооценке в современной научной литературе вопроса такого свойства культурного наследия, как изменчивость. Состав культурного наследия формируется заново всякий раз после того, как изменяется социальный «заказ» образованной части общества. Изменчивость, таким образом, является естественным и неотъемлемым качеством культурного наследия. В то же время, слишком значительная степень изменчивости, в сущности, является показателем не вполне здорового состояния цивилизации. Избыточная изменчивость, скорее всего, сигнализирует о размывании сверхценности, вокруг которой строится цивилизация, либо, в ином случае, об ослаблении Традиции, служащей своего рода хребтом для цивилизационного организма в целом.

Ключевые слова: Культурное наследие, цивилизационный подход к истории, изменчивость, устойчивость, общество, социальный заказ, история России, русская культура.

Для цитирования: Володихин Д.М. Культурное наследие: устойчивость и изменчивость // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №1 (44). С. 5–15. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-5-15>

CULTURAL HERITAGE: SUSTAINABILITY AND VARIABILITY

Dmitry M. Volodikhin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor;
Head of the Department of Cultural Heritage of MGIC, Professor of the
Faculty of History of Moscow State University, e-mail: volodih@mail.ru

Abstract: The article discusses the qualities of the epistemological category "cultural heritage" within the framework of the civilizational approach to history. Special attention is paid to the underestimation in the modern scientific literature of the issue of such a property of cultural heritage as variability. The composition of cultural heritage is formed anew every time after the social "order" of the educated part of society changes. Variability, therefore, is a natural and inherent quality of cultural heritage. At the same time, too much variability, in fact, is an indicator of a not quite healthy state of civilization. Excessive variability most likely signals the erosion of the super-value around which civilization is built, or, otherwise, the weakening of Tradition, which serves as a kind of backbone for the civilizational organism as a whole.

Keywords: Cultural heritage, civilizational approach to history, variability, sustainability, society, social order, history of Russia, Russian culture.

For citation: Volodikhin D.M. Cultural heritage: stability and variability. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 1 (44), pp. 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-5-15>

В специальной научной, учебной и научно-популярной литературе нередко встречается представление о том, что культурное наследие – на века и тысячелетия, что оно чуть ли не до скончания времен будет сохранять своё значение и свою ценность. Это представление широко распространено, однако оно наивно. Во всяком случае, страдает упрощением. Видеть в культурном наследии нечто статичное, застывшее в своей основе и лишь время от времени пополняющегося новыми памятниками, большая ошибка. Точнее, даже не ошибка, а выражение общей слабости историко-философского освоения названной категории. Конечно, экспедиции археологов, археографов и фольклористов постоянно добавляют в его «копилку» очередные находки. Кроме того, народ постоянно творит, и то из его величайших творений, что становится частью недавней, но все-таки уже старины, постепенно (а иногда и достаточно быстро) обретает роль признанного элемента культурного наследия.

Но названные процессы совершенно не обязательно способствуют количественному расширению культурного наследия или хотя бы сохранению его в основе своей.

Важнейшая особенность культурного наследия состоит в том, что оно *изменчиво*. У культурного наследия к настоящему моменту множество определений (1, с. 100; 4, с. 12–14; 5, с. 12; 7, с. 293–300; 8, с. 640;), однако фактор изменчивости учитывается в них редко. Вернее, он фактически не учитывается. Так, например, в наши дни чаще всего, говоря о том, что представляет собой культурное наследие, цитируют статью из словаря «Культура и культурология» под редакцией А. И. Кравченко: «Культурное наследие – это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся следующим поколениям как нечто ценное и почитаемое» (6, с. 300–301). Этот текст присутствует также и в учебнике А. И. Кравченко, а оттуда шагнул

на множество интернет-порталов и получил широчайшее распространение. По внешней видимости, здесь нет противоречий. Но по сути: кто и как определяет, что именно выдержало «проверку временем», а что нет?

Российский федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вводит несколько иное определение: «Культурное наследие – совокупность унаследованных человечеством от предыдущих поколений объектов, представляющих историческую и культурную ценность» (3). Важно понимать, трактуя букву закона, что представления о том, какие компоненты истории и культуры ценны, не может быть постоянным.

На восприятие отдельного памятника, и на состав культурного наследия в целом мощно влияет современность. Конечно, из нашего сегодня невозможно проникнуть в прошлое и как-либо изменить памятник культуры. Это абсурдно. Он уже таков, каков есть. Зато взгляд на него из нашего здесь-и-сейчас *непостоянен*. Наш взгляд изменяется от десятилетия к десятилетию, от поколения к поколению, поскольку изменяются требования социума к собственному прошлому, собственной культуре, собственным эталонам в сфере этики и эстетики. Притом изменяется с разной интенсивностью и разной смысловой динамикой.

Каждому поколению представляется, что оно незыблемо утвердило свой идеал, и он он-то, по причине своей истинности, сохранится на будущее. Но каждое новое поколение идеал предыдущего разрушает или хотя бы изрядно колеблет, сокращая его, дописывая, изменяя корневые его смыслы. В сущности, происходит постоянная (более или менее интенсивная) ротация набора требований к эталонам, значит, и набор эталонов становится текучим, никогда не застывающим раз навсегда.

Отсюда и проистекает изменчивость культурного наследия. Оно «дышит», то расширяясь, то сужаясь, или же вдруг происходит спазм резких трансформаций, словно на легких социума делают операцию или меняется сам воздух, которым дышит общество.

Так, в допетровское время политическая и интеллектуальная элиты отчетливо воспринимали Московское царство как наследника Константинопольской империи, иначе говоря, видели в Третьем Риме преемника Рима Второго – со всем багажом культуры, который там накоплен на протяжении одиннадцати веков, со времен Константина Великого. Собор святой Софии в Константинополе считался в такой же степени «своим», «родным» как Димитриевский собор во Владимире или Благовещенский в Московском кремле.

А в докарамзинскую эпоху Петербургской империи очень значительная часть образованного слоя воспринимала культурное наследие Европы (включая античность) как истинное культурное наследие России. Что же касается самой России, то значимое наследие собственно-русское начина-

лось для образованной публики времен Екатерины II, Павла I и первых лет царствования Александра I строго с Петровских преобразований. У Европы есть Карл Великий, крестовые походы, Данте, Петрарка, Торквато Тассо, Макиавелли, Ариосто, Леонардо, Реформация и просвещение, а у России есть Петр I и, по большому счету, больше ничего нет. Иначе говоря, в глазах образованного общества Россия как держава обрела смысл существования, лишь сделавшись частью Европы и, следовательно, древность киевская, владимирская, московская а также, разумеется, византийская, совершенно не важна. «Это всё было варварство, это всё бессмысленная суета», – мог бы сказать просвещенный вельможа году, скажем, в 1790-м или 1805-м. Ну а те же крестовые походы, Данте и Леонардо принадлежат России полноправно – постольку, поскольку она часть Европы. Гуманитарное образование европейского типа в подавляющем большинстве случаев выглядело как безальтернативный эталон для получения образованности вообще.

Скажем, средневековый русский эпос или средневековая русская живопись для огромной части «просвещенного класса» утратили значение ценности, фактически превратились в хлам.

Однако в течение XIX века и начала XX ситуация изменилась. Усилиями славянофилов, историков и знатоков искусства с православным мировидением (в первую очередь Н. М. Карамзина как великого зачинателя), патриотически настроенных купцов-меценатов, властей, когда они хотели подчеркнуть свои русские корни, история и культура России, включая отрезок до Петра Великого, стали восприниматься в совершенно ином ключе. А именно, как значимая, имеющая самостоятельный, можно сказать, отдельный смысл составляющая культурного наследия Большой Европы. На этом процесс трансформации не остановился. История и культура России превратились, усилиями консервативных мыслителей, в нечто противостоящее Европе и, значит, имеющее смысл без неё, сами по себе. Монумент «Минин и Пожарский» на Красной площади в Москве (1818) уже показателен: в традициях древнеримской скульптуры изображены два русских героя. Форма «высказывания» скульптора еще античная, европейская, а суть – уже русская. Памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в Новгороде Великом (1862), это апофеоз Русской цивилизации, абсолютно самостоятельной и стоящей на трех китах: православии. Самодержавии, русском народе. Этот памятник – образец того «общественного заказа» на новое культурное наследие, который сложился у нас в стране к середине XIX века.

Эпоха Александра III заново открыла русский и византийский стили, сделались модными, интеллектуально привлекательными собрания русской старины и русского искусства, полным ходом шло «освоение» красот средневековой русской литературы. Появился Русский музей, Третьяковская галерея, Исторический музей имени Александра III (нынешний Государственный исторический музей), абрамцевский храм в стиле русского Средневековья

(точнее, в нескольких стилях, имеющих национальные средневековые корни), составились поистине великие собрания икон. Между тем всего лишь за век до того образованный человек увидел бы в древних иконах просто отсутствие искусства, в событиях Великой Смуты – скучное шевеление варварских вождей, а в летописной истории Рюрика, Святослава, Ольги – никому не нужный интеллектуальный мусор.

Таким образом, задолго до 1917 года представления социума о «правильном» для России культурном наследии дважды претерпели кардинальные изменения.

Сам 1917 стал тем самым «спазмом», когда и «операция на легких» была проведена, воздух культуры изменился. Ритм изменений ускорился. Можно сказать, ускорился катастрофически.

Вплоть до середины 1930-х годов идеология «пролетарского интернационализма» приговорила к уничтожению или, как минимум, к небрежению, великое множество старинных, допетровской эпохи, храмов; привела к состоянию почти полного забвения русскую историю до XVIII столетия, чуть ли не до Емельяна Пугачева; поставила в униженное состояние собственно русский элемент культуры в целом. Национальное начало в истории и культуре попало под жесточайшую, убийственную критику. Характерна судьба храма Христа Спасителя, взорванного в 1931 ради осуществления призрачного строительного проекта, так и не реализованного. И даже классическая русская литература оказалась в состоянии ветоши, приготовленной к выбрасыванию с «парохода современности». Всему этому на замену пришли план «монументальной пропаганды» с его памятниками пламенным революционерам, террористам-душегубам и «вождям победившего пролетариата»; раздача старинным русским улицам новых «революционных» имен; пароксизмы борьбы в истории и философии со всем, что не марксизм и не революционное движение.

В сущности, произошло тотальное переформатирование требований к культурному наследию. Это значит: вычеркивание очень значительной его части, в смысле и высоком назначении которой до 1917 года не было сомнений, а также вытеснение «старины» на второй план, вернее, в подвальные этажи культурного наследия.

Однако и советское время, с 1917-го по 1991 год, не представляет собой единства – ни политического, ни культурного, ни идеологического.

Вторая половина 1930-х годов ознаменовала новое переформатирование, не столь радикальное, как первое, но масштабное. Идеология «пролетарского интернационализма» сменилась идеологией «советского патриотизма». В течение 20 лет советский патриотизм, постепенно развиваясь, открыл дверку для частичного возвращения того формата культурного наследия, который существовал до советской власти. Грозное дыхание войны, затем трудный путь через ее раскаленные воды и опасение новой большой войны

сделали необходимыми «мобилизацию» населения, в первую очередь, самого многочисленного народа СССР, русских. А мобилизация под лозунгами «диктатуры пролетариата», «господства марксистского мировоззрения», «всемерного интернационализма» и стремления к «мировой революции» не вызывали необходимого энтузиазма. Советской власти пришлось перейти сначала к позициям защиты государства, патриотизма, а затем – к похвале русской культуре, драгоценным свойствам русского народа и даже частичному признанию пользы от православия и Русской церкви, которые еще в середине 1930 приговаривались к выкорчевыванию до самых корней.

Русскую старину в истории, литературе, искусстве, культуре в целом провели через процедуру «распарывания», «отсеивания лишнего» и «разрешения полезного». Так, например, мозаичные панно на станции Московского метрополитена «Комсомольская» (кольцевая линия, 1952 год) очень показательны: победы русского оружия это разрешено и полезно; следовательно, и героев-полководцев тоже позволительно прославлять. Ледовое побоище, Куликово поле, освобождение Москвы в 1612 году земским ополчением, победы Суворова и Кутузова – всё это хорошо и правильно. Мозаичные панно, посвященные этим победам, продолжены еще двумя, относящимися к советской эпохе: революция с гражданской войной и парад Победы в Великой Отечественной. Изначально, кстати, вместо Ленина, призывавшего к мобилизации бойцов на гражданскую войну, на потолке размещалось панно с изображением Сталина, вручающего «гвардейское знамя», однако Сталина признали недостойным места в культурном наследии и заменили на Ленина очень быстро... Таким образом, выстраивается общий ряд событий, притом революция подается не как простой слом старого порядка, не как завершение одной эры и начало другой, принципиально иной, но как воля народа, продолжающего свою историю новым способом.

Советский патриотизм «разрешил» Пушкина, а потом большую часть русской классики в целом, он даже Крещение Руси признал «прогрессивным на тот исторический момент». Бунтарей, революционеров, марксистов, «вождей пролетариата» и террористов по-прежнему славили, конечно. Но к ним добавили также героев Великой Отечественной, великих ученых (в том числе дореволюционных, например, Менделеева), инженеров, космонавтов, летчиков-испытателей.

Кое-что, впрочем, оставалось под спудом – как по-прежнему «вредное». Так, например, монашество трактуется как «черное воинство», средоточие архаики и консерватизма, т. е. о нем не следует говорить ничего доброго. Да и в целом большие русские святые должны оставаться на «табуированной территории», – все, включая Сергия Радонежского. Конечно, Александр Невский тоже святой, но говорят и пишут о нем как о государственном деятеле и полководце, никоим образом не как о святом. Эта часть его личности и судьбы аккуратно «отрезана» за ненадобностью а потом сдана в запасник

истории, подальше от широкой аудитории. Знаменитый фильм Эйзенштейна «Александр Невский» (1938) построен именно в таком ключе. И «царизм», разумеется, тоже – «проклятое прошлое», о самодержцах вообще не следует много распространяться, а если обсуждать их жизнь и труды, то в негативном ключе. Позволены похвалы исключительно в адрес Ивана Грозного и Петра I, поскольку оба этих государя считались «прогрессивными», к тому же, они беспощадно расправлялись с изменниками, казня их массово, что в 1930-х – первой половине 1950-х воспринималось как безусловное благо. Творчество расстрелянного в 1921 году Н. С. Гумилёва продолжало оставаться под темными водами запрета. А вот Н. В. Гоголь оказался почти весь «разрешен» – помимо наполненного христианскими мотивами эпистолярного трактата «Выбранные места из переписки с друзьями».

Между серединой 1950-х и началом 1990-х годов советская культура не была единой, монолитной, соответственно, и «заказ» на культурное наследие получался сложным, состоящим из разнородных элементов. Во-первых, никуда не делся «революционный романтизм», идеализация декабристов, «комиссаров в пыльных шлемах», мудрых и отважных чекистов, революционеров-подпольщиков. Во-вторых, «русская партия» постоянно напоминала: необходимо сохранять православные храмы – как «памятники народного творчества», ценить русскую старину и героев былых времен, например, Отечественной войны 1812 года или земских ополченцев Минина и Пожарского. В 1980 году с размахом отмечалось 500-летие битвы на Куликовом поле, а в 1988 году – тысячелетие Крещения Руси, и социалистическое государство сделало тогда ряд важных уступок Церкви. В-третьих, постепенно росло и окрылялось «советское западничество», а оно требовало внимания к прогрессу, реформам, «культурным связям» с Западной Европой и нового прославления Петра I как великого «цивилизатора» России, боровшегося с «отсталостью».

Все разом сходились только на том, что Победа в Великой отечественной войне – неоспоримая ценность, и всё, с нею связанное должно занимать важнейшее место в культурном наследии.

Взглянем на то культурное наследие, которое хранил СССР в последние годы своего существования. Оно пестро как восточный ковер!

Прогресс, храмы, чекисты с комиссарами, которые эти храмы рушили, Куликово поле, террористы, Крещение Руси, гнилость царизма, но рядом с нею в полный рост великий царь Петр I, святой Владимир по соседству с Владимиром Ильичом Лениным и великая Победа 1945 года выше всего прочего.

Невероятный салат, отражавший нестабильное состояние и советского общества, и советской культуры.

Со времен распада СССР и кончины социализма прошло более трех десятилетий. С тех пор общество российское прошло через увлечение либера-

лизмом и западничеством (в 1990-х этот «лагерь» преобладал и в политике, и в культуре), затем через новое поклонение советской старине и, в частности, фигуре Сталина, потом встало на рельсы державного патриотизма, с особенной силой заговорило об успехах русского оружия во все времена – от великого князя Святослава Игоревича до Жукова с Рокоссовским. Ничто из этого не овладевало умами прочно. Всё проносилось по массовому сознанию как очередная мода, как веяние.

Единственное, что нарастало и нарастает год от года, – это православная составляющая российской истории и культуры.

Со второй половины 1980-х медленно, но верно идет повсеместная реставрация православных храмов. А там, где они были уничтожены, – их реконструкция, как это произошло, например, с тем же храмом Христа Спасителя. Без особенных дискуссий признана положительная роль монастырей как величайших культурных и экономических центров Руси. Еще в 1980-х годах средневековые монастыри официально признавались оплотами отсталости и «духовного дурмана», а сейчас это уже твердыни утонченной культуры и прогрессивного хозяйствования. Большие святые русской церкви шагнули из небытия в школьные учебники. Им ставятся памятники, их судьбы изучаются историками и культурологами, и всё чаще оборачиваются темой новых романов, фильмов, статей.

История Русской церкви стала предметом преподавания в ведущих российских вузах. Притом этот предмет тянет за собой целую «гроздь» специальных и вспомогательных дисциплин, как это происходит, например, во МГИК: «Средневековый русский календарь», «Символика и эмблематика христианства», «Мир средневекового русского книжника».

Более того, культурное наследие – в современном понимании – весьма быстро пополняется книгами, фильмами, монументами и музейными экспозициями, которые основаны на судьбах новомучеников и исповедников, просиявших в России XX века и страдавших за веру от властей, проповедуя Христа.

Но в целом сегодняшний (на начало 2020-х) заказ российского социума на культурное наследие недалеко ушел от позднего СССР. Отчетливо видна та же разнородность, почти что всеядность. Иначе говоря, тот же «салат», хотя и с некоторыми улучшениями. Можно лишь надеяться, что добрые и здоровые тенденции, в частности, утверждение христианской почвы, возобладают.

Некоторые основания для таких надежд есть. Во всяком случае, слабее стала тяга к сохранению и популяризации имен разного рода террористов дореволюционной поры, марксистов и декабристов. Возникло обширное движение за возврат улицам, проспектам, площадям их исторических названий – вместо присвоенных им имен, скажем, Каляева, Войкова, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти, Баумана, Тельмана, Лени-

на и Урицкого. Левое, революционное мировидение не исчезло в России, но понемногу слабеет.

Вывод: «заказ» социума на тот или иной состав культурного наследия, которое в итоге надо будет по закону охранять, а в соответствии с политическим курсом комментировать, популяризировать, вставлять в учебники и «продвигать» в художественных произведениях, в очень большой степени изменчив, пластичен.

Он зависит от «возраста» цивилизации, от того, едина ли она или в сердцевине своей расколота на духовные «лагеря», подвержена ли внешним влияниям, и если да, то до какой степени, а также от того, способна ли политическая элита выстраивать последовательный, ясный, прямой курс в этой сфере.

Когда о культурном наследии говорят: «Это вечные ценности», – или хотя бы: «Это ценности, проверенные временем», – совершается серьезная ошибка. «Знак качества», поставленный на тех или иных элементах культурного наследия «самим временем», – иллюзия. Всё может перемениться, быть переоценено очень быстро, самые заветные печати, свидетельствующие о качестве или о значимости любой части культурного наследия, могут быть сняты.

Подобная изменчивость характерна не только для России. В Китае «культурная революция» обрушилась на духовные устои, обычаи, памятники, имевшие «выдержку» многовековую, а то и измеряемую тысячелетиями.

Современная политизированность Западной Европы и США имеет столь высокий градус, что произведение классической литературы, кинематографа, памятник архитектуры, скульптуры, да любого вида искусства может попасть в раздел «вредное» или даже «табуированное». Например, памятники выдающимся конфедератам в Америке, или, скажем, роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» а также, в еще большей степени, его классическая экранизация с Вивьен Ли в главной роли. Киностудия, убирая кинокартину из свободного доступа, заявила: «Картина – продукт своего времени и изображает некоторые из этнических и расовых предрассудков, которые, к сожалению, были распространены в американском обществе... Подобные расистские моменты были ошибочными тогда, они ошибочны сегодня, и мы подумали, что показ этого фильма без объяснения и осуждения этих моментов безответственен».

Изменчивость для культурного наследия в целом нормальное дело. Однако важен вопрос о ее интенсивности, о ее ритме. Пройдя определённый градус накала она становится опасной для цивилизации. Хотелось бы подчеркнуть: вредна именно чрезмерная изменчивость, а не изменчивость сама по себе. Более здоровое состояние социума – сплочение вокруг сверхценности, которая определяет базовые интеллектуальные и культурные потребности общества. Чем более сверхценность размыта, чем более цивилизация

расколота, тем больше хаотичной пестроты, то есть собрать воедино всё на свете, соединить несоединимое (2, с. 20–25). И, с одной стороны, этот хаос отражает нестабильность, разнородность социума, а с другой – безбрежная пестрота культуры, неограниченный отбор в культурное наследие всего и вся сами по себе становятся факторами дальнейшей дестабилизации общества. Ведь «всё на свете», без каких-либо ограничений, как эталон творчества и как эталон развития, это, по сути, ничего самостоятельного.

Россия – государство-цивилизация, расколотое с XVIII века, т. е. очень давно. В период революции 1917 года старая Русская цивилизация оказалась разрушена и ушла в небытие. Советская цивилизация не успела состояться, но на руинах цивилизации прежней, императорской, сохранилась старая сверхценность – православие. И наши дни на просторах России, по-прежнему расколотой цивилизации, очень медленно, очень неровно идет процесс формирования новой Традиции вокруг старой сверхценности – православия. Именно таким путем постепенно становится на ноги и переходит от младенчества к детским годам новая, можно сказать, новорожденная Русская цивилизация. Это происходит на наших глазах и при нашем участии. И самый естественный маршрут для ее «взросления» – это сплочение вокруг православия, простраивание культуры снизу доверху под его этику и эстетику, формирование в людях способности служить ему, работать во имя него, сражаться на войне во имя него. Понадобятся ли российскому социуму в случае, если этот естественный путь возобладает, Каляев с Урицким и Халтурин с Либкнехтом? Или, скажем, концепция Петра-цивилизатора варварской России? Вопрос спорный.

Огромная Россия выросла вокруг средневековой Северной Руси. И культура Руси оказалась достаточно богата, чтобы из ее врат вышла великая культура Российской империи, и чтобы наш народ донине чувствовал всю мощь «культурного слоя» древней почвы духовной. Героические песни и эпические сказания Древней Руси, Андрей Рублев и Дионисий, зодчество средневековых умельцев от святой Софии Новгородской до Тобольского кремля пронизаны христианской составляющей. Эта составляющая не исчезла в классической русской литературе XIX–XX веков, прославившей нашу страну по всему миру. И если «заказ» культурного наследия станет в дальнейшем происходить по преимуществу на ее основе, то Россия всегда и неизменно будет иметь богатейший набор ценностей, созданных на национальной основе и предназначенных для сохранения на будущее.

Подобный путь развития вовсе не предполагает невнимания к культурам народов России, не входящих в ареал христианства, или же их «поражения в правах». И не предполагает он исключения из культурного наследия всего того, что никак не соответствует православному идеалу, но давным-давно превратилось в «культурный багаж» образованного человека: античной культуры, мировой истории, классической философии и литературы Западной

Европы. Всё это должно сохраняться в рамках культурного наследия Русской цивилизации на правах «дополнения». Иначе говоря, набора элементов, которые не занимают центрального положения, но сохраняются в силу социальных гарантий по отношению к не-христианским народам или же в силу органичного требования всесторонности в образовании. Но в центре всего должна пребывать сверхценность, а она для России – православие.

Список литературы

1. *Алексеев Ю.В., Сомов Г.Ю.* Объекты культурного наследия. Учебник. Москва, 2016. Т. 1, 2. 560 с.
2. *Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иртенина Н.В.* Традиция и русская цивилизация. Москва, 2006. 284 с. (Серия «*Philosophy*»).
3. Культура и культурология: Словарь / Ред.-сост. А.И. Кравченко. Екатеринбург; Москва, 2003. 928 с.
4. *Курьянова Т.С.* Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. 2011. Вып. 2.
5. *Мазенкова А.А.* Культурное наследие как самоорганизующаяся система: Автореф. дис. канд. философ. наук: 24.00.01. Тюмень, 2009.
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. <https://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения 10.05.2022 г.).
7. *Панфилов А.Н.* Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть 1) // Право и политика. 2011, №2.
8. *Хоруженко К.М.* Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997.